

Неизвестные уголки Крыма

Могила госпожи де Крюденер¹

Думаю, было бы очень трудно написать что-либо новое о жизни госпожи де Крюденер, женщины, которая познала свой час бешеной славы и которая на протяжении полувека потратила все свои усилия и весь свой природный дар на возведение пьедестала, который позже в ее мечтаниях должен был превратиться в алтарь. Вначале довольно легкомысленная светская женщина, затем посредственная писательница, наконец, апостол и пророчица. Она постоянно сама себя венчала розами, лавром и терновником, ища обожания со стороны своих современников и их потомков, забывая истину о том, что венцы, которые ты плетешь сам для себя, очень быстро увядают. Какими же эфемерными оказались слава и популярность, ради которых эта замечательная женщина пожертвовала всем! Будущее покрыло память о ней мутнеющей с каждым днем вуалью.

Впрочем, если в пику мнению господина Эйнара², самого дотошного и объективного³ биографа госпожи де Крюденер, слова Христа, обращенные к блуднице, не остановят нас в стремлении осудить нашу героиню, все же это же самое божественное изречение заставляет нас во многом простить ту, которая так сильно любила. А госпожа де Крюденер действительно очень сильно любила, она безумно любила Францию и французов: «О, мой дорогой Беранже, — писала она божественному певцу простого народа, — не считайте меня сумасшедшей, нельзя быть сумасшедшей, когда безумно любишь Францию и французов...»

Кто из моих соотечественников осмелился бы отказать в снисхождении женщине, подписавшей такое пламенное признание, и не согласился бы отправиться вместе со мной в паломничество с целью отыскать ее могилу и отдать дань уважения своим набожным и меланхоличным воспоминанием праху этой женщины, одиноко покоящейся где-то в крымских степях? Впрочем, я считаю своим долгом предупредить моих компаньонов о том, что перед тем, как достичь цели нашего путешествия, нам, возможно, придется иногда делать остановки в дороге. Разве возможно, совершая такое дальнейшее путешествие по таким интересным и малоизвестным местам, не воспользоваться этим для их более полного изучения? Разве нам не даны глаза для того, чтобы видеть, уши для того, чтобы слышать, а ноги, чтобы иногда отрывать их

¹ Крюденер Варвара Юлия (1764–1824), писательница, автор романа «Валери», духовная руководительница Александра I, филантропка, сторонница религиозного мистицизма, организатор мистического кружка в Крыму (*прим. переводчика*).

² Эйнар Жан-Габриэль (1775–1863), французский эллинист (*прим. переводчика*).

³ Мнение Сент-Бева.

от сидения экипажа? Кроме того, мы рискуем получить порицание от бессмертной души госпожи де Крюденер, так скрупулезно следующей в конце своей жизни всем предписаниям святых книг.

Но перед тем как отправиться в путь, позвольте мне сказать еще несколько вступительных слов.

Подходил к концу 1823 год. В Санкт-Петербурге победила реакция. Были отвергнуты формально обещанные и даже дарованные свободы. Александр I был вынужден подписать указ об отстранении от поста министра религий своего любимого и особо уважаемого князя А. Голицына. Одновременно с этим тем же императорским указом были распущены библейские общества, созданные при большой поддержке самого же императора. Впав в немилость, А. Голицын решил воплотить в жизнь давний проект Александра I о создании в Крыму, в имении Кореиз, евангелической колонии. Шаткое здоровье госпожи де Крюденер, которая должна была стать душой этого исхода, заставило поторопиться с приготовлениями к отъезду. Выехать смогли в начале весны 1824 года. В сопровождении будущих колонистов, в основном, немцев и швейцарцев, князь и княгиня Голицыны, госпожа де Крюденер, ее дочь с зятем господином де Беркхаймом, спустившись по Волге, достигли крымского побережья. Отдохнув несколько дней в Феодосии, госпожа де Крюденер направилась вглубь полуострова в Карасубазар.⁴

Возможно, эта бедная, изболевшаяся душа еще успела насладиться живописными красотами весенних берегов Волги, прекрасным небом Тавриды, соседствующим с Боспором, ароматы цветов которого иногда достигают крымских степей. Возможно, эта небесная синева подарила страдающему женскому сердцу немного безмятежности. И все же, какое грустное путешествие, где каждая минута неотвратимо приближала ее к забвению, которого она боялась больше всего на свете: уже никогда больше не будет рядом с ней льстивых поклонников, не будет оваций в этом забытом краю, безвозвратно удаляющем нашу героиню от места ее триумфов, навязчивое воспоминание о которых постоянно преследовало госпожу де Крюденер, истязая ее неумиряющее тщеславие.

Таким образом, ослабленная болезнью, тяжелым путешествием и внутренними душевными переживаниями, в конце осени она прибыла в Карасубазар. В те годы Карасубазар был таким же, как и в наши дни: маленький восточный городок, окруженный фруктовыми садами, население которого состоит, в основном, из армян и татар. Именно здесь госпожу де Крюденер застала зима. Изнуренная лихорадкой, графиня, по словам ее дочери находилась «в состоянии такой слабости, что для того, чтобы заменить ей постельное белье, требовалось целых полдня». Окруженной заботами преданной дочери госпожи де Беркхайм и своей молодой служанки Эмили, ей ничего более не оставалось, как утешиться в молитве и в созерцании виднеющихся

⁴ Для тех, кто, будучи знаком с Крымом наших дней, считает такой маршрут несколько экзотичным, я замечу, что нельзя забывать о том, что в те времена города сегодняшнего Крыма, такие как Феодосия и Ялта, были всего лишь рыбацкими поселками, пароходов еще не было, во всем Крыму невозможно было отыскать ни одной нормальной дороги. Кроме того, после плавания по Волге, долгого и утомительного перехода по Каспийскому морю участники путешествия, без сомнения, попытались избавить тяжело больную госпожу де Крюденер от трудного и опасного плавания по Черному морю в зимний период.

в окне за густым тополиным занавесом Крымских Альп. Приближалась смерть. Спокойствие охватило мятежное сознание графини, и вместе с ним пришла твердая решимость покаяться в ошибках, к которым Господь должен был проявить больше снисхождения, имея в виду то, что они, в основном, явились результатом многочисленных заблуждений и фантазий, а не сердечных извращений. У нее еще хватило сил для того, чтобы написать своему сыну: «Все то хорошее, что я осуществила, останется, все плохое (сколько раз я принимала за божественное предназначение то, что являлось продуктом моего воображения и моего тщеславия!) будет стерто Божьим милосердием».

В полночь 25 декабря госпожа де Крюденер скончалась. Ей было шестьдесят лет.

I.

Господин Эйнар заканчивает свою богато документированную биографию госпожи де Крюденер такими словами: «Бренные останки госпожи де Крюденер были помещены в склеп армянской церкви Карасубазара, чтобы затем их перевезли в греческую церковь Кореиза, построенную княгиней Голицыной. Сегодня госпожа де Крюденер покоится уже там».

В том, что госпожа де Крюденер покоится в Кореизе, я сильно сомневался по причинам, которые изложу далее. И, хотя этот вопрос не имел для меня первостепенного значения, все же, будучи в Ялте два года назад, я решил воспользоваться этим и совершить маленькую экскурсию в Кореиз, чтобы окончательно убедиться в правоте моих сомнений.

Кореиз

Таким образом в один прекрасный октябрьский день после обеда я выехал в удобном экипаже, запряженном двумя лошадьми, управляемыми кучером-татаринном. Покинув Ялту, мы углубились в идущее над морем по горному карнизу крайних склонов Крымских Альп Севастопольское шоссе. План этого шоссе, разработанный самим князем Воронцовым, представляет собою настоящее произведение искусства. Дорога, защищенная с севера дикими вершинами Ай-Петри, проходит среди волшебных южных мест, нависая над каскадами зелени, среди которой то там, то здесь, отражаясь в морской воде, неожиданно вырастают императорские резиденции, княжеские виллы, греческие домики, или маленькие татарские поселки, кажущиеся какими-то развалинами, оторванными от азиатских берегов и осторожно перенесенными сюда в печальное изгнание убаюкивающими волнами Черного моря. Осенняя прозрачность воздуха обволакивает окружающие предметы неосязаемым хрусталем, подчеркивая при этом малейшие изгибы гор и придавая цвету самые неожиданные оттенки. Под этим волшебным ослепительным покровом все казалось невесомым: и дорога, по которой мы ехали, и вершины гор, и волны зелени вокруг нас. Мне казалось, что все это — мираж и малейший бриз может развеять великолепие окружающей нас феерии. Почти с высоты птичьего полета вдалеке я раз-

глядел императорскую виллу в Ливадии и Ореанду, — место летней резиденции Великого князя Константина, разрушенную в 1882 году в результате таинственного пожара. Затем незаметно картину побережья заслонили низкие скалы, резко вырастающие у мыса Ай-Тодор, получившего свое название от одноименной, когда-то располагавшейся здесь, греческой колонии.

Вскоре мы оказались вблизи места, выбранного в 1823 году генерал-прокурором Синода Голицыным для основания здесь евангелической колонии. В этом мероприятии ему помогали его жена Анна Сергеевна Голицына и баронесса де Крюденер. Сначала мы проехали Гаспру, имение князя, затем виноградники, принадлежащие госпоже де Беркгейм, дочери де Крюденер, и, наконец, Кореиз, который должен был стать центром новой колонии. Здесь мы совершили остановку.

Сегодня Кореиз — это расположенная на горе, ярко освещенная солнечным светом, маленькая татарская деревенька. Она похожа на карниз для растительного занавеса, складки которого красиво ниспадают к морю, полоща в нем свою бахрому. Чтобы добраться до церкви, необходимо пересечь несколько деревенских улочек. Чаще всего эти улочки просто прорублены в скале, нет даже и намека на симметрию. Если во всем мире проектирование улиц обуславливает расположение жилых строений, то здесь все диаметрально противоположно этому, дома раскиданы по воле случая. Проходя по этим зловонным тупикам, спотыкаясь на ухабистых тропинках, где, иногда, угадывается лестница, я размышлял о том, что если живописность Востока и неоспорима, то неоспорим и факт различного восприятия этого места нашими многочисленными органами чувств. Согласен, взгляд наш всегда очарован увиденным, но обоняние уличного Востока, восприятие того, что слышится не с минарета, осязание свалки восточных безделушек!...

Но, что вы хотите, бриз в мгновение ока развеет эти запахи, ароматы, крики, и вечером простая ножная ванна с добавлением розовой воды быстро заставит вас позабыть обо всех неудобствах вашего маршрута, а ваш зрачок навсегда запомнит неповторимую красоту увиденного. Вот поэтому Восток всегда восторжествует над своими самыми яркими критиками. Тем временем, абсолютно живым и невредимым я добрался до маленькой церквушки, построенной на низком холме, лысые склоны которого когда-то служили людям кладбищем. Она абсолютно невзрачна, эта церковь, где, судя по всему, уже давно не проводятся службы. Здесь нет никаких византийских украшений, кричащее изобилие которых, обычно, составляет гордость любой православной церкви, отсутствуют искусно отделанные светильники, нет ни одной золотистой или серебряной хоругви у клира, обязательного элемента каждой русской церкви, отсутствует и сам иконостас, полностью оголяя алтарь. Слева у стены в одну кучу свалены опрокинутые скамьи. Вот и все...

Я спрашиваю у человека, открывшего мне двери этого храма, в котором витает необъяснимая грусть покинутых строений, не похоронен ли кто-либо в нем. «Не знаю, — равнодушно отвечает тот, — за этими скамьями, кажется, есть выбитое на мраморе имя». Я немедленно даю указание убрать эти кошунственные скамьи, и вскоре на маленькой полоске из серого мрамора мне удастся прочесть надпись из золотистых букв: «Здесь покоится прах княгини Анны Сергеевны Голицыной». И более ничего. Я продолжаю поиски, заглядываю даже за алтарь, но не нахожу ни ма-

лейшего знака, дающего мне возможность предположить, что баронесса де Крюденер также спит здесь вечным сном рядом со своей последней подругой. Не очень-то расстроившись этим фактом, я некоторое время брожу по соседнему кладбищу, рассматривая осыпавшиеся, разбитые могилы с трухлявыми деревянными крестами...

И вот, бросив прощальный взгляд на эту прекрасную обетованную землю, которую так и не увидела госпожа де Крюденер, я возвращаюсь в Ялту. А вечером, записав, как обычно, в блокнот мои впечатления о поездке, я принял твердое решение, воспользовавшись первой же возможностью, посетить Карасубазар, где, вопреки мнению господина Эйнара, по моему глубокому убеждению, в склепе армяно-католической церкви все эти годы находится забытое тело знаменитой баронессы.

II. Феодосия (Кафа)⁵

Прошлое

Долгожданная возможность отправиться в Карасубазар представилась мне 25/8 июля. В это время я находился в Феодосии. Это имя, несмотря на свою музыкальность, возможно, вам ни о чем не говорит, но история этого города богата своими славными страницами. Долгое время языческие племена аланов, готов и, особенно, сарматов оспаривали у греков это место, являвшееся мостом между республикой Херсонес и Боспорским царством вплоть до того дня, как Митридат покорил его. Однако, последователи великого Евпатора не смогли защитить его наследие от тех же варваров, и вскоре Феодосия превратилась в руины, заселенные рыбаками и контрабандистами. Впрочем, в XI веке этот город, получив от своих новых хозяев, татарских ханов имя Кафа, начинает постепенно возрождаться. Его процветание усилилось в 1261 году в результате подписания Михаилом Палеологом договора, по которому генуэзцы получали полную свободу торговли на Черном море и освобождение от таможенных пошлин. Генуэзцы быстро осознали важность месторасположения Кафы для навигации и коммерции: находящаяся в широкой бухте, защищенная крайними отрогами Яйлы, Феодосия граничит с исключительно плодородными степями, простирающимися до самой Керчи (Пантикапеи), затем спускающимися к Арабатской стрелке и, наконец, соединяющимися с Россией посредством Перекопского перевала. Именно в эту эпоху с разрешения крымских ханов генуэзцы окружают город великолепными укреплениями, защищающими Кафу с моря от агрессивных венецианцев, а с суши от набегов различных варваров. Вскоре эти укрепления действительно пригодились. Завидуя коммерческим привилегиям, дарованным Генуе двором Константинополя, Венеция решила силой покончить с преимуществом своих опасных соперников. История рассказывает нам о страшных морских баталиях, развернувшихся у берегов Кафы. И все же выгодное положение генуэзцев, хорошо укрепившихся на берегах Тавриды, предопределило исход этой битвы: в конечном итоге,

⁵ Как мы помним, именно здесь госпожа де Крюденер останавливалась на несколько дней, прежде чем отправиться в Карасубазар.

венечанский флот был разгромлен. Наступил золотой век Кафы, по праву заслужившей прозвище «Крымский Стамбул».

Вокруг неисчислимых городских фонтанов постоянно располагались караваны из Индии, Персии и Армении, торгующие своими богатствами в обмен на зерно степей, фрукты долин и меха с севера. Однако, опьяненные своим процветанием, считая эту землю покоренной, генуэзцы почувствовали себя вправе пренебречь обязательствами, данными татарам, пока еще настоящим хозяевам этого края. Они не только перестали выплачивать дань татарам, но и под всяческими предлогами стали выходить за границы своей торговой зоны, они даже попытались основать на полуострове ряд новых религиозных орденов, чем спровоцировали рост мусульманского фанатизма среди татар, решившихся обратиться за помощью к Магомету Второму. Откликнувшись на эту просьбу, ужасный султан по прозвищу Эль Фати (Завоеватель) пришел в Крым, навсегда прогнал оттуда генуэзцев и сделал своими вассалами и ханов, и их народ.

В ту же минуту поменялся облик Кафы, окруженной генуэзскими стенами. Колокольни превратились в минареты, латинские кресты — в полумесяцы и, наконец, в качестве символа вечного владения Кафой в центре города была возведена знаменитая мечеть Биюк-Джан со своим центральным куполом, окруженным одиннадцатью малыми куполами и двумя тридцатиметровыми минаретами. Но как только султаны закрыли Черное море для международной торговли, Кафа пришла в упадок. Исчезли богатые и шумные караваны, располагавшиеся вокруг фонтанов, исчезло оживление на улицах, лишь изредка можно было встретить отдельных крестьян-монголов, привезших в город степную пшеницу или фрукты со своих садов, а вечером можно было увидеть колонны невольников-черкесов, направляющихся ко дворцу сандажага⁶. И все это продолжалась до того дня, пока Россия не прогнала турок назад в Стамбул. И те ушли, оставив позади себя руины города, однажды провозгласившего себя соперником того самого Стамбула. В результате, Кафа, вернув себе древнее название Феодосия, превратилась в бедное поселение, защищенное величественным поясом крепостных стен, с пустынных башен которых она продолжала высматривать возвращение тех, чье богатство и славу она когда-то оберегала. Городам трудно избежать своей участи. Вскоре, увлекаемые врожденной любовью к коммерции, караимы, греки и армяне заселили Феодосию. Бедное поселение превратилось в большую невзрачную деревню с восточным колоритом. И все же процветание новоприбывших жителей скромного городка привлекло остальных, а после указа Александра Третьего о строительстве морского порта и железной дороги в Феодосии город получил новый импульс к развитию.

Настоящее

Сегодня Феодосия считается одним из самых грациозных провинциальных городов России. Менее всего из-за непогоды и более из-за идиотского вандализма первых переселенцев, генуэзские стены превратились в руины. И все же пока еще можно угадать контуры укреплений, исходя из наличия нескольких осевших крепостных

⁶ Правитель небольшой турецкой провинции (прим. переводчика).

башен. Эти древние, уставшие от своей работы часовые постепенно разрушаются до самого основания. Где те великолепные оборонительные сооружения, наводящие ужас на венецианцев?.. Где бастионы с амбразурами, извергающими смерть на вражеские галереи?.. Где та неприступная крепость, защищающая Консульский замок, на вершине которого полощется знамя генуэзских подестов⁷, бросая вызов венецианским вымпелам?.. Все, как в старых книгах с неясной помаркой внутри неразборчивого слова... Все погребено в зарастающих рвах.

Сегодня Феодосия, вытянувшись в форме полумесяца вдоль берега моря, уже взбирается на окружающие ее голые холмы.

Главная, утопающая в зелени улица Итальянская примечательна, главным образом, не столько своими домами, сколько публикой, которую можно повстречать здесь: греки с пылающими, как угли, глазами, с пепельными усами и зубами молодого пуделя; армяне со своим акцентом и выдающимся носом. Иногда я встречаюсь с группкой молодых красивых купальщиц, направляющихся к морю или возвращающихся с пляжа. На их мокрые волосы накинута длинная татарская вуаль (марама), а легкая одежда с колыхающимися на ветру складками, деликатно и благородно подчеркивает различные прелести женского тела... Я обращаю внимание на группу небрежно прогуливающих по тротуару анатолийских рыбаков. Своими мощными, загорелыми, изъеденными солью руками они аккуратно вяжут чулки. Их красивые головы, обычно, покрыты или простым шейным платком, или наскоро завязанным башлыком, концы которого небрежно ниспадают им на плечи. Итальянская улица выходит на маленькую кокетливую площадь с красивой бронзовой статуей благодетеля Феодосии Александра Третьего и с маленьким, окруженным тополями, фонтаном в мавританском стиле. К сожалению, эта миниатюра омрачена развалинами городского клуба, управы и театра, подожженных шесть лет назад бандой пьяных черносотенцев, по-звериному жаждущих еврейской крови. Я был свидетелем этих преступных бунтов и при их воспоминании перо еще дрожит в моих руках... Но хватит политики. Для того, чтобы развеяться, я приглашаю вас посетить галерею знаменитого мариниста Айвазовского, родившегося в Феодосии и пожелавшего там же умереть. В этой посмертной галерее выставлены не самые яркие работы художника, который, покинув свой город в 14 лет, уже в 24 года становится знаменитым и богатым, а к старости получает все почести, возможные в стране, где правит царь. Молодежь считает его устаревшим. Но я видел в его работах такую реалистичную прозрачность волны, что мне несколько раз приходилось инстинктивно отступать от картины, опасаясь гнева бушующего моря, готового выплеснуть на тебя всю свою мощь. Впрочем, зайдите в Эрмитаж и убедитесь сами в правильности моих слов. Я давно заметил, что, особенно, в России самые ярые противники творчества знаменитого художника сначала тщетно пытались копировать его, а затем, видя бесперспективность своих попыток, в отчаянии возводили в принцип школы: одни свою беспомощность, другие свою лень, а третьи и то, и другое... Выйдя из галереи, я повстречал своего старого знакомого, преподобного отца Грегуара. Само провидение, так часто помогавшее госпоже де Крюденер, позаботилось также и о простом писателе, верном па-

⁷ Подеста — глава администрации в средневековых итальянских городах-государствах (прим. переводчика).

мяти великой без вести пропавшей женщины. Отец Грегуар — священник-мхитарист⁸ из армяно-католического монастыря Святого Лазаря в Венеции. Вот уже много лет, как он служит здесь приходским священником. Я повстречал его на закате дня, когда, опустив глаза на землю, прогуливался, размышляя о том, как мне поудобнее и побыстрее попасть в Карасубазар. Мы сердечно пожали друг другу руки и... расцеловались, так как здесь это принято даже между монахом и мирянином.... В ходе нашей беседы я рассказал ему о цели моего путешествия и о том, что ищу способ добраться до Карасубазара. «Карасубазар, — прервал меня мой собеседник, — да ведь я как раз собираюсь съездить туда вместе с Монсиньором Ц.⁹ Вы составите нам компанию. Не отказывайтесь! Все абсолютно естественно, тем более, что мои братья из Карасубазара лучше, чем кто-либо, помогут вам в ваших поисках. Знаете что, а давайте прямо сейчас зайдем на чашку чая к Его Преосвященству и обговорим условия нашего маленького путешествия». «Deo gratias! преподобный отец, благодарю вас от всего сердца!» И, ведомый своим бесценным компаньоном, я направляюсь к верхним городским кварталам.

Дома становятся ниже, а затем почти совсем исчезают, спрятавшись внутри маленьких двориков за глухими высокими заборами, последними пережитками сумрачной ревности мужчин Востока. Вскоре, запыхавшись, мы подходим к грациозной двухэтажной постройке, внешний вид которой говорит о комфортности этого дома. Отец Грегуар звонит в дверь. Пока мы ждем, когда Монсеньор откроет ее нам, рядом с маленьким городским музеем в греческом стиле, расположенном неподалеку на вершине холма, я замечаю старый, высохший мавританский фонтан, последний, как мне говорят, из восьмидесяти подобных фонтанов, которыми так гордилась генуэзская Кафа.

В одной компании с монахом и епископом

Минуту спустя Монсеньор Ц. с очаровательной улыбкой приглашает меня на широкий балкон, с которого открывается прелестный вид на весь город. И здесь впервые я констатирую тот факт, что как по расположению своих жилых построек, так и по расположению окружающих гор, Феодосия очень сильно напоминает Неаполь, но только в миниатюре, местами слишком лысый и, конечно, с навечно потухшим Везувием.

Слева от нас волнорез могучим жестом выбрасывает в море свою длинную руку, на конце которой величественным скипетром горит маяк. Мол, огибающий город по всей длине его береговой линии, изрезан железнодорожными путями, охватывающими своей железной сеткой большие, покрытые тяжелыми рифлеными крышами

⁸ Мхитаристы — армянский католический монашеский орден. Основан в 1712 году Мхитаром Севастийским (прим. переводчика).

⁹ Церр Антоний Иоганес (1849—1933). Родился в немецкой деревне Францфельд под Одессой. Принял рукоположение во священники, преподавал в духовной католической семинарии Саратова. В 1890 г. папой Львом XIII был назначен правящим католическим епископом России. В 1901 году ушел на покой по состоянию здоровья. Поселился в Феодосии, в Крыму (прим. переводчика).

зерновые склады. Повыше виден карабкающийся по холмам город. Среди деревьев еще можно различить его кривые улочки.

Тем временем скатерть застелена, и Монсеньор широким жестом, указывая на самовар, приглашает меня к столу. Вам часто расскажут в России о том, что горячий чай, согревающий нас зимой, летом приносит прохладу. Позволю себе не согласиться с последним утверждением, так как мой опыт неопровержимо свидетельствует об обратном. Поэтому, в ожидании того, когда мой стакан и его содержимое дойдут до нормальной температуры, я хочу в двух словах познакомить вас с Монсеньором — он режет сейчас огромный арбуз, ровные дольки которого соблазняют нас своим розовым инеем.

В первую очередь, Монсеньор Ц. — это не простой *монсеньор*.

Сын немецкого колониста, родившийся в России, после нескольких лет преподавания в Саратовской семинарии в возрасте тридцати четырех лет он уже становится епископом, получив в управление всю католическую епархию России. А ведь руководить всем католическим приходом в России — задача очень трудная, она требует большого такта, осторожности и дальновидной дипломатии. В течение многих лет Монсеньор Ц. настолько хорошо справлялся с этой задачей, что даже получил хвалебные отзывы от папы римского и от самого царя. Монсеньор Ц. был первым католическим епископом России, официально представленным самому понтифику с формального разрешения императора. Однажды, после многолетних трудов на ниве епископата, этот достойный прелат, почувствовав усталость и недомогание, подал в отставку. Именно в Феодосии с ее благотворным климатом решил он провести остаток своих дней.

Внешне Монсеньор — очень красивый мужчина. Его высокий рост сглаживает полноту его тела. Крепко сидящая голова, острый взгляд поверх очков, наконец, рот настоящего оратора, — вот что придает внешнему виду этого успешного епископа характер доброты с кулаками и снисходительности без проявлений излишней слабости. Кроме того, очень образованный и жизнерадостный Монсеньор Ц., кажется, задался целью доказать мне, что, будучи епископом, можно одновременно оставаться немцем и искренне любить Францию, свободно обсуждая ее политику и нравы... Но я, кажется, забыл представить вам отца Грегуара. Ростом он не такой высокий, как Монсеньор. Будучи грузином по происхождению, он обладает тем кавказским взглядом, в котором иногда отражается отблеск кинжала. Он носит миссионерскую бороду, однако малоухоженную, веероподобную на подбородке и без растительности на щеках. Как и Монсеньор, он любит Францию, гордится свободным владением ее языка, и, если ему иногда бывает трудно найти в нашем словаре нужное слово, то это случается только по эмоциональной причине, когда, засунув руку за кожаный ремень, служащий ему поясом, отец Грегуар рассказывает вам о своих посещениях Лурда и Парижа...

А мы с наслаждением продолжали свою беседу, в то время как солнце тушило свои зажженные факелы в море, неожиданно превратившись в тигель с расплавленным золотом... Мы продолжали беседовать и тогда, когда ночь задернула небо своей звездной шторой, на которой луна казалась серебряной розеткой, инкрустированной светящимся перламутром,.. мы еще долго продолжали беседовать в атмосфере

ре опалового цвета, когда наши неясные фантастические тени на стене террасы придавали всему окружающему пейзажу вид города-призрака... Монсеньор говорил о России. Как и все те, кто искренне любят эту огромную страну, одну из самых богатых и, на самом деле, одну из самых бедных, как и все те, кто хорошо знает (а таких людей очень мало) этот великий, талантливый и одновременно очень отсталый народ, наш добрый прелат волнуется, и его голос дрожит, когда он рассказывает нам о своих опасениях по поводу будущего этой страны. Он объясняет нам, что за границей абсолютно не знают русского человека, что французская пресса, как и другие, пишет о нем очень много плохого. Монсеньор обвиняет за границу в том, что она судит о русских, исходя из своей ментальности, и применяет по отношению к истории и традициям этой страны свои шаблоны. В чем решение проблемы? Вот вопрос, который в состоянии тревожного замешательства постоянно и настойчиво задает себе Монсеньор. Безусловно, для того, кто очень долго, на месте методично изучал проблему, решение существует. Вопрос, кто применит это решение?

Русскому народу требуются еще более одухотворенные наставники и священники, чем в любом другом уголке мира.

Кто же взрастит этих избранных наставников и особенных священников? Этой большой империи требуются неподкупные чиновники-патриоты, требуются функционеры, больше заботящиеся о благе России, чем о своем кармане. Где же найти таких людей? «Когда в корзине обнаруживается одно гнилое яблоко, его выбрасывают, спасая остальное содержимое, но что делать, когда все яблоки оказываются гнилыми?» — заключает Монсеньор.

В определенный момент наша мирная беседа перерастает в дискуссию. Это происходит тогда, когда мы начинаем говорить об инородцах: кавказцах, поляках, армянах и других. Отец Грегуар сердится. Прежде всего, он — армянин с Кавказа, и если ему приходится кроме этого быть еще и россиянином, то он согласен на это при условии, что в обмен на его вынужденную, но искреннюю лояльность он получит, кроме обязанностей, также и все права коренного народа. Разворачивается дискуссия...

Все это время я рассеянно наблюдаю за спорщиками со стороны, ожидая момента, когда я смогу наконец-то сесть на свой конек. Заговорили о Финляндии. Вот он, этот момент! Я напоминаю аудитории, что еще в 1819 году Александр Первый, поддерживая ливонскую знать в ее конституционных требованиях, писал: «Вы действовали в духе нового времени, вы почувствовали, что только либеральные принципы могут стать основой счастья народа...» Затем я затрагиваю тему о таинственном неограниченном влиянии госпожи де Крюденер на автора Священного Союза¹⁰, на императора, который мог бы повести Россию к новым горизонтам... А затем «в нагрузку» я рассказываю моим доброжелательным слушателям историю знаменитой женщины, прах которой я разыскиваю. Как только я закончил рассказ, отец Грегуар заявил мне, что я не найду в Феодосии никакого напоминания о пребывании здесь госпожи де Крюденер. Это мне уже было известно... Но я весь превратился в слух, когда он добавил, что в Карасубазаре, где отец Грегуар долгое время служил

¹⁰ Священный Союз был заключен между Россией, Пруссией и Австрией с целью поддержания установленного на Венском (1815 г.) конгрессе международного порядка (*прим. переводчика*).

приходским священником, существовала традиция, по которой тело госпожи де Крюденер должно было остаться в склепе армяно-католической церкви. А вот и еще один аргумент в пользу моей догадки.

На большой приходской русской церкви колокол пробил одиннадцать часов, и мы попрощались друг с другом, заранее назначив на следующий день время нашего отъезда.

Ах! Какой очаровательный вечер! Сегодня я убежден в том, что на моем месте сам господин Комб¹¹ был бы вынужден многократно признать в течение этого вечера, что нет ничего лучше, чем оказаться в одной компании с монахом и епископом!

III. Из Феодосии в Старый Крым

На следующий день где-то в девять часов утра мы садимся в экипаж. Монсеньор одет в длинный сюртук, на его голове — широкая соломенная шляпа. В таком виде его можно было бы принять за крупного местного собственника, если бы не римский воротничок, подчеркивающий своей белизной его мощный затылок. Что касается отца Грегуара, то он, следуя местному обычаю, надел на свою сутану просторный пыльник из серого сукна, нахлобучив при этом на голову черную фетровую шляпу.

И вот мы едем по шоссе, идущим из Феодосии в Симферополь через Старый Крым и Карасубазар. За городом на протяжении нескольких верст дорога идет вдоль продолжения глинистых холмов Феодосии. Справа от нас эти холмы, покрытые виноградниками, полностью перекрывают вид на море, а слева поля пшеницы, овса и ячменя заслоняют нам обзор степи.

А вы знаете, о чем мне говорит эта длинная цепь глиняных холмов, окаймляющая своей северной стороной крымскую Яйлу почти на всем ее протяжении? Во всем этом я вижу доказательство того, что полуостров появился в результате вулканической деятельности, а не нептунического подъема, как многие полагают. Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как прозревает зерно? Завязь лопается и выходит наружу, разбрасывая вокруг себя до этого момента покрывавшую ее землю. Такой, поверьте мне, и была история появления Таврических альп и земляного валика, предохраняющего эти горы от северных холодов. «Но это же чистая наука!» — скажете вы. Да, вы правы, и я, ни в чем не раскаиваясь, приношу вам свои извинения, твердо решив с момента банкротства официальной науки никогда не упускать случая подать милостыню бедной нищенке.

Вскоре вдалеке появляются настоящие горы: Агармыш, подземные воды которого орошают всю окружающую его степь, и на заднем плане, со стороны моря, Коктебельские горы, пляжи которых известны своими агатами. Как и Иудейские, Коктебельские горы милы и для души, и для глаза. Они не прячутся от человека в своих суровых заснеженных вершинах. Наоборот, эти мягкие, млеющие от жаркого воздуха волнообразные горы, как бы говорят вам: «Идите сюда, отдохните в наших прелестных, тенистых уголках, испейте кристально чистой воды из наших источников». Проехав около пятнадцати верст, мы решили дать нашим лошадям возмож-

¹¹ Комб Луи Эмиль (1835—1921), французский государственный деятель, автор закона об отделении церкви от государства (прим. переводчика).

ность передохнуть и сделали небольшую остановку на том месте, где шоссе начинает свой спуск. Отсюда, наконец-то, открывается вид на степь, простирающуюся до самого Азовского моря, голубой бант которого виднеется вдали.

Это прекрасное июльское солнце, эта безграничность тянущихся до самого горизонта пшеничных волн, прерываемых сверкающими островками зелени или участками вспаханной земли; эти обнаженные гребни гор, которые на фоне лесного бархата кажутся лежащими в своих футлярах древними изделиями из слоновой кости; эти дрожащие в красно-коричневой атмосфере дали, когда земля и небо сливаются друг с другом; эта бесподобная игра света, которая поражает и очаровывает взор, — все это вместе взятое создает уникальное зрелище, усиливаемое ощущением абсолютного одиночества. Можно сказать, что это — премьера кого-то невиданного ранее произведения Создателя, показанная специально для нас. Мы умолкаем и, как имамы мечети, все смотрим и смотрим...

И я говорю себе, что действительно человеку надо иногда пострадать, чтобы получить от Бога в качестве компенсации подобный подарок...

Только когда лошади продолжили свой путь, смущенно переглянувшись, мы осознали насколько сильно поглотило нас это зрелище. После головокружительного спуска мы подъезжаем к виднеющемуся вдали Старому Крыму.

IV. Старый Крым

Старый Крым? Да! И не думайте, что я сам лично выдумал такое странное название, дабы придать себе в ваших глазах важный вид исследователя малоизученных мест. Это абсолютно не так. Старый Крым по-русски и Эски Кермен по-татарски, — именно так называлась первая и самая богатая столица крымских ханов с 1237 по 1422 год, когда было принято решение перенести столицу в Бахчисарай, во-первых, из-за боязни опасных набегов неуловимых генуэзцев и во-вторых, чтобы быстрее выступить на север при появлении опасности захвата полуострова русским царем. Именно в эски-Кермен любящие пышность потомки Чингиз-Хана возвели дворец, мраморные бани которого и феерические сады орошали воды Агармыша. В эту эпоху наездникам Золотой Орды требовалось полдня, чтобы объехать оборонительную стену этого города с его несметными богатствами, увеличивающимися благодаря торговле с генуэзцами, и с его бесчисленными мечетями, где золото сочеталось с самым дорогим итальянским мрамором. Один египетский султан гордился тем, что построил здесь мечеть, стены которой были выложены различными сортами мрамора, а своды сделаны из порфира. Поэты Армении долгое время воспевали Эски-Кермен, называя его Солька, Солька великолепная, Солька несравненная, единственно достойная этих грозных ханов, которых они приветствовали именем Эмин.

А теперь, приготовьтесь, у меня есть веские основания полагать, что именно в Старом Крыму под именем госпожи де Гаще умерла и была похоронена графиня де Ламотт-Валуа, знаменитая героиня процесса об Ожерелье. Ранее я уже излагал свои доказательства этого факта¹².

¹² Луи де Судак «Графиня де Ламотт-Валуа. Ее смерть в Крыму». «Ревю Блэ» от 16 сентября 1899 года.

Как видите, у меня было несколько причин посвятить Старому Крыму несколько строчек.

Сегодня от этой древней столицы не осталось ни следа. Лишь в нескольких местах мелкие остатки развалин представляют какой-то интерес для любителей старины. Еще в начале прошлого века¹³ путешественник мог побродить по широким залам заброшенного ханского дворца, восхищаясь его внушительными пропорциями и пытаясь понять содержание надписей. В наше время трудно даже определить местоположение этого дворца, мраморные кружева и вычурные камни которого пошли на строительство окружающих нас банальных домиков. Ничего не осталось и от защитных сооружений, только кое-где еще угадываются контуры крепостных рвов. Навсегда утрачены и разрушены спускающиеся с соседних гор водопроводы, обслуживающие бани, бесчисленные дворцовые фонтаны, раковины для омовения в мечетях и водопой каравансараев. Внимательно изучив надпись на камне из старого сада, рассказывающую о генуэзской миссии братьев-францисканцев в ханскую эпоху, мы возвращаемся к экипажу, чтобы пересечь Старый Крым.

Этот поселок требует, чтобы его называли городом. Спрашивается, за какие заслуги? Надо признать, что некоторое время назад старый Крым пришел в движение.

Однажды ночью один анархист в упор застрелил офицера полиции. А в России в наше время это приносит известность, и Старый Крым имеет все шансы заслужить имя города.

V. Из Старого Крыма в Карасубазар

Где-то на расстоянии двух километров от Старого Крыма мы попадаем в лесистую зону, зажатую между двумя горными цепями. В определенном месте эти цепи внезапно расходятся, открывая перед нами вид на углубляющуюся по направлению к югу крымскую Яйлу. Это зрелище не менее впечатляет, чем предыдущее. Оно даже имеет более мужской оттенок, нежели вид степи. Эта стройная группа покрытых лесной растительностью пригорков, холмов и гор, как бы готовящихся к броску на Южный берег, эти ярко выделяющиеся на фоне неба склоны темно-фиолетового цвета, эта суровая масса, контрастирующая со светлыми деталями горизонта, поражают нас своей красотой, что, однако, не может затмить ярчайшую пестроту степей, открывающих свои таинственные пространства и загадочные дали тем, у кого есть крылья на сердце...

На большой скорости мы спускаемся вниз, проносясь мимо балок, поросших деревьями. Нам видны лишь верхушки этих растений. Горы вновь сужаются. Впрочем, несмотря на эти интереснейшие впечатления, что-то внутри нас кричит о том, что полдень уже давно наступил, и мы, увы, вынуждены подчиниться голосу желудка, одинаково повелительному как для епископа, так и для простого смертного.

Маленькая полянка, выбранная нами для восстановительного отдыха, расположена у края шоссе рядом с цветущим оврагом. Мы располагаемся в тени деревьев, обвитых лианами снизу доверху. Эти же самые лианы иногда спускаются сверху нам

¹³ Речь идет о XIX веке (прим. переводчика).

на головы, как бы требуя своей доли в этой трапезе. Мы, без сомнения, сильно проголодались, и даже свежая, кристально-чистая вода из ближайшего источника не может заглушить утонченный букет местного белого вина из запасов отца Грегуара. Это чистое, похожее на церковное, как когда-то я пробовал в Аржеле¹⁴ вино, приятно ободряет нас. Мы весело беседуем друг с другом. Отец Грегуар исполняет для нас грузинские напевы, музыкальные фразы которых, украшенные триолями, часто задерживаются на высокой ноте, отражаясь гнусавым лесным эхом самого настоящего Востока. Как здесь хорошо! Но в определенный момент Монсеньор замечает, что эта обильная трапеза не является целью нашего путешествия и что нам еще ехать до Карасубазара целых тридцать верст.

Вы правы, Монсеньор! Возвращаемся в экипажи!

Через пять-шесть верст пути после головокружительного спуска горы отступают к морю, и на первый план выдвигаются лысые меловые холмы, предвестники Карасубазара... А вот и обширная территория, на которой бесчисленными рядами выстроились фруктовые деревья. Их ветви свисают под тяжестью плодов, поэтому повсюду их поддерживают деревянные рогатки. Мы въезжаем в район знаменитых гигантских крымских садов, наличие которых во Франции просто трудно себе представить: плантации в 60, 80 или 100 гектаров, в среднем дающие владельцу, независимо от урожайности года, доход от сорока до ста тысяч рублей в год.

Плоды этих деревьев превосходны. Я видел сорта, которых пока еще нет во Франции. Например, Синопский кандиль, продолговатое яблоко золотистого цвета с красным бочком, мраморная мякоть которого хранит свой вкус на протяжении целого года.

В нескольких верстах от Карасубазара на вершине подъема, где наши лошади останавливаются, чтобы перевести дух, мы утоляем жажду у прелестного татарского источника, скрытого в тени большой, поникшей ивы. Мы пьем из тяжелой оловянной кружки, прикрепленной к стене крепкой цепочкой. На кружке выгравирована надпись: «Пей на здоровье, но не кради меня, оставь для следующего путника». Говорят, эта вода целебная, она излечивает от лихорадки. Этим объясняется наличие многочисленных лоскутков ткани, повязанных болгарами и татарами на ветках окружающих источник кустарников, в память о своем исцелении.

И вот мы опять в пути. Вскоре вдалеке появляются первые тополя, минареты, колокольни и, наконец, первые домики Карасубазара. Наши лошади, почувствовав приближение города, явно решили ускорить окончание своей тяжелой работы. Их аллюр вскоре переходит в бешеный галоп. Намотав по-русски вожжи на руки, наш кучер с трудом справляется с управлением экипажем. Сумасшедшая гонка не дает нам возможности хорошенько рассмотреть все, что пролетает мимо нас. Вот вдали, в татарской деревне, я замечаю минарет.

— Монсеньор, смотрите, вон там — заброшенное кладбище.

— Да нет же, я думаю, что это — стадо баранов.

— И все-таки я настаиваю...

Кладбище (или стадо баранов) пролетело мимо нас и исчезло, как и все остальное, в грохоте колес нашего экипажа. Затем мы проскочили сады, еще кладбища,

¹⁴ Аржель, известная винодельческая деревушка на юго-западе Франции (прим. переводчика).

а возле самого города — развалины каких-то казарм. Проехав по главной улице Карасубазара, затем свернув на поперечную улочку, мы останавливаемся у большой железной решетки, ограждающей широкое пространство, посередине которого высится армяно-католическая церковь, а справа расположены дом священника и приходская школа. Нам навстречу выходят кюре Карасубазара со своим викарием и симферопольский кюре. Все трое — мхитаристы, собраты и друзья детства нашего Монсеньора. Начались рукопожатия и представления. После этого я попросил указать мне подходящую гостиницу. Что тут началось! На превосходном французском все вдруг разом закричали, возмутились, запротестовали и силой потащили меня в помещение. Ах, как хорошо почувствовать себя во Франции, даже находясь в Карасубазаре! Поглаживая двумя пальцами свою красивую белую бороду, отец Кирилл, местный викарий, показывает мне мою комнату. И должен вам признаться, что редко бывая в такой святой компании, я так же редко так близко чувствовал биение сердец своих гостеприимных хозяев!

VI. Карасубазар

Город

На следующий день, пока мои хозяева служат мессу, я решаю побродить по Карасубазару. Когда-то этот город был одним из самых процветающих городов Крыма. Его местоположение в центре полуострова на пути из Феодосии в Симферополь во многом способствовало получению больших прибылей от внутренней торговли. Все соседние деревни свозили свои продукты на базары и каравансарай Карасубазара, поэтому ни днем, ни ночью не прекращалось движение по его плохо мощеным улицам. Железная дорога, строительство новых шоссе в корне изменили ситуацию. И если бы не эти превосходные сады, удваивающие и утраивающие население Карасубазара во время сбора урожая, город бы давно умер.

Сегодня единственное, что привлекает в Карасубазаре, — это его восточный колорит: слишком высокие тротуары вдоль грязных улиц и маленькие лавки, откуда доносятся запахи кожи, жареного мяса, пряностей, навоза, одним словом, все запахи Востока. Мне было очень любопытно познакомиться с одним старым аптекарем-французом, о котором накануне вечером мне рассказал викарий. Этот смелый француз живет здесь уже около сорока лет. Он еще ни разу не покидал Карасубазар, чтобы посмотреть мир. Единственное, что сделал этот человек, он отправил на учебу в Париж двух своих сыновей, один из которых лет десять назад успешно окончил военную школу, а второй работает в Париже архитектором. Этот старик выглядит счастливым рядом со своей женой, разговаривающей на шести языках и в данную минуту изучающей ради развлечения испанский. Он кажется счастливым. И все же в тот момент, когда он раскладывает передо мной дипломы своих сыновей, я замечаю слезы в его глазах. Странная судьба!

Возвращаясь в дом священника, проходя по узким улочкам, где невозможно даже развести руками, я понимаю что могли ощущать больная баронесса и ее сопровождающие, когда после долгого и тяжелого путешествия они остановились здесь

в разгар зимы, не имея ничего, кроме болезненного воспоминания о всем том, что они покинули.

Вернувшись в свою комнату, с чувством бесконечной грусти я перечитываю строки Эйнара, навеянные имеющейся в его распоряжении перепиской: «И все же то ли из-за того, что они не предвидели всех трудностей, то ли из-за неожиданно суровой зимы, многочисленные швейцарские и немецкие колонисты, приехавшие вместе с княжной Голицыной, очень сильно страдали в Карасубазаре... Госпожа де Крюденер сильно огорчалась из-за невозможности, как ранее, посвятить себя помощи бедным, которых она умела так хорошо утешить. С наступлением зимы ее состояние ухудшилось. Чахотка прогрессировала. Болезнь пожирала ее изнутри, приносила ей неопишуемые страдания». Бедная Валерия!...

Старые документы

Меня позвали в салон. Монсеньор облачился в свою епископскую сутану с фиолетовыми пуговицами и короткой мантией с накладными рукавами римских прелатов. На его груди сияет тяжелый крест, подарок Александра Второго. С торжественным, многообещающим видом он приглашает меня сесть рядом с ним. Глава церковного совета приносит ему широкий футляр длиной в 50 сантиметров. Этот футляр с золотым замочком покрыт приятно пахнущей кожей с глубоким отпечатком императорского вензеля на ней. Монсеньор трепетно, как будто перед ним дарохранильница, открывает этот футляр. Перед нами появляется богато переплетенный альбом с таким же оттиском императорского вензеля. Листы альбома, сделанные из толстого пергамента, красиво украшены миниатюрной вязью. Текст, написанный прекрасным каллиграфическим почерком с золотистыми заглавными буквами, оформлен двумя колонками на двух языках: русском и армянском. Посередине этого изумительного манускрипта прикреплена широкая красная муаровая лента, конец которой, выходящий за рамки пергамента и несущий императорскую печать, также заключен в тяжелый, широкий, как блюдце, ярко-красный футляр. На нем также отпечатан двуглавый орел. Документ собственноручно подписан Екатериной Второй.

«Да, это очень серьезный и интересный документ», — заявляю я, пододвигаясь поближе к пергаменту. «Нет, это не очень серьезный, но заслуживающий внимания документ», — тонко поправляет меня епископ. И в его взгляде поверх очков я замечаю пренебрежительную иронию. «Вы должны знать, — продолжает Монсеньор, — что когда Екатерина Вторая стала хозяйкой Крыма, она почувствовала, что для того, чтобы покорить Карасубазар и его окрестности, необходимо прежде всего заручиться поддержкой местных армян-католиков, которые, благодаря своей численности и интеллекту, могли бы оказать большое влияние на побежденных, но пока еще неуспокоенных татар. И тогда данным указом, написанным на этом солидном пергаменте, она *навсегда* дала армяно-католической церкви Крыма исключительные привилегии».

И в тот момент, как епископ стал мне зачитывать детальный перевод этих привилегий, я обратил внимание на то, что вся аудитория стала обмениваться прене-

брежительно и насмешливо, в которых нет ничего похожего на подобострашие по отношению к либеральным уступкам благородной императрицы. В определенный момент даже отец Кирилл прыснул со смеху, впрочем, я уже давно сомневался в его лояльности. Как только Монсеньор закончил чтение документа, я поздравил собравшихся с тем, какие невероятные привилегии дарованы им в области религии в стране, где угнетение народов имеет такие изощренные методы. Но кюре, не имеющий возможности улыбнуться мне в ответ из-за сигары в зубах, перебивает меня: «Знайте, что эти привилегии так и остались только на бумаге. С самого первого дня после их подписания ничего так и не изменилось, а сам манускрипт вот уже сто лет как просто хранится в этом футляре имперского обмана». И двумя поворотами маленького ключа он закрывает футляр. Я кричу, я протестую: «Но ведь это же императорское слово! А эта тяжелая, покрытая драгоценным металлом печать? А эта подпись?» «Вы, кажется, забыли, — отвечает епископ, — все то, что естественно для француза, не является таковым для самодержца в России, включая право не держать данное слово».

«Не надо ходить так далеко, — продолжает наш разговор раскрасневшийся отец Кирилл, — посмотрите, что сегодня творится кругом. Все то же самое!»

И Монсеньор не может скрыть своей улыбки...

После всего этого мы приступаем к просмотру старых приходских записей с целью обнаружения каких-либо сведений о смерти госпожи де Крюденер в Карасубазаре. Спустя некоторое время на одной из толстых шершавых страниц бледно-голубого цвета мы читаем на русском и армянском языках: «Сегодня, 29 декабря 1824 года, тело баронессы фон Крюденер было положено в склеп карасубазарской армяно-католической церкви, временно, до перенесения его к себе в имение княгиню Голицыной». И вся аудитория принялась убеждать меня в том, что по преданию тело госпожи де Крюденер все еще находится в склепе рядом с захоронениями генерала Шуца¹⁵ и его жены, умерших за несколько лет до кончины баронессы и завещавших большое состояние армяно-католической церкви Карасубазара, одной из самых богатых церквей Крыма. С другой стороны, если бы тело госпожи де Крюденер было изъято из склепа и перенесено, без всяких сомнений, это бы нашло свое отражение в приходских записях, которые скрупулезно велись неким отцом Минасом. Но таких записей нет... Монсеньор готовится к приему посетителей, а я, воспользовавшись этим, хочу сходить побриться к одному татарину-парикмахеру, вывеска которого на французском языке очень понравилась мне во время утренней прогулки: *Салон для бритья головы без парика*.

Дом, в котором умерла госпожа де Крюденер

Только к 5 часам вечера мы, наконец-то, решаем отправиться к дому, в котором умерла госпожа де Крюденер. Он отделен древней дорогой от кладбища, где высится часовня склепа, принадлежащего армяно-католической церкви. Мы отправляемся туда, разместившись в двух экипажах, хотя расстояние совсем небольшое. В России

¹⁵ В Феодосии 28 мая 1787 года бригадный генерал Шуц, командующий легкой кавалерией Тавриды, за свою примерную службу получил из рук Екатерины Второй орден Святого Владимира.

очень быстро расстаются с привычкой ходить пешком. Проехав маленький открытый рынок, мы углубляемся в улочку, где колеса наших экипажей постоянно соприкасаются с тротуаром; затем по старой феодосийской дороге мы выезжаем из Карасубазара и вскоре останавливаемся у дома, где умирающая госпожа де Крюденер закончила свой земной путь.

Этот скромный дом построен в духе местного колорита. Вдоль второго этажа по всему фасаду тянется балкон, а удлиненная крыша служит навесом этому балкону. Церковный совет является собственником дома, он сдает его в наем бедным, простым и очень приветливым людям, распахнувшим нам все свои двери для нашей экскурсии. На первом этаже расположена очень примитивная кухонька с тремя кладовыми, далее идет что-то наподобие широкого вестибюля со старой деревянной лестницей, ведущей наверх. С большой осторожностью мы ступаем по ступенькам этой лестницы и попадаем на второй этаж, где находятся четыре комнаты. Признаюсь, с чувством глубокого волнения я осматриваю эти помещения, где мне мерещится, как вокруг больной женщины суетятся ее дочь госпожа де Беркгейм и Эмилия, любимая служанка баронессы. И вдруг я останавливаюсь... Вот, без сомнения, комната, в которой скончалась госпожа де Крюденер. Я зачитываю вслух описание этой комнаты господина Эйнара, сделанное на основе переписки госпожи де Беркгейм: «Комната госпожи де Крюденер выходила в город, где за большими деревьями просматривались Крымские горы...» И действительно, мы констатируем: вот тут, на другой стороне дороги растут деревья, вон там — город, а вдали голубеют Крымские Альпы...

Именно эти четыре стены видели агонию госпожи де Крюденер, они слышали ее «молитву со слезами на глазах, в которой она просила дать ей силы перенести это полное изнеможение». Какая тяжелая, мокрая от слез лобная повязка повергала в печаль ее размышления, когда декабрьскими вечерами она смотрела через окно на заходящее солнце! А когда на предсмертном ложе она своим потухшим взором созерцала этот мирный пейзаж, не вспоминала ли баронесса эту любимую *Гору на равнине Добродетелей*, откуда, сидя рядом с Александром Первым, она наблюдала, как маршем проходят у ее ног 150 000 русских солдат, а вокруг толпятся любопытные придворные, желая знать кто эта таинственная вдохновительница человека, способного в любой момент изменить судьбы Европы.

Эти далекие горы, такие нежные для взора, но такие меланхоличные для души иностранки, особенно в этот час, когда, как бы сожалея об уходящем дне, их вершины пытаются зацепиться за золотистый сумеречный покров. Эти далекие Крымские Альпы, пробуждали ли они в душе пророчицы воспоминание о Швейцарии, простой народ которой она с таким триумфом покорила своей опрометчивой щедростью. О, эти шумные овации, доносящиеся оттуда! И эта леденящая душу могильная тишина здесь! А эти покрытые вуалью татарские женщины, возвращающиеся домой после работ в саду, разве они не напоминали ей неотразимую грацию знаменитого танца с вуалью, принесшего когда-то славу Дельфине?... И не из-за этих ли постоянно преследующих ее воспоминаний о прошлом она проливала так много горьких слез на закате дня? «Бросив взгляд на свое прошлое, — пишет госпожа де Беркгейм, — оценивая все то, что она покидает с такой бешеной скоростью, ей ничего не оста-

валось, как проливать слезы...» Эту женщину, так много пожертвовавшую ради славы, ожидало полное забвение. До нее даже не доходили письма, адресованные ей. «Шесть писем из Косса¹⁶ затерялись, и я даже не смогла ей рассказать, что сейчас происходит в ее любимом городе», — пишет госпожа де Беркгейм. Между тем, смерть с ожесточением наступала на несчастную больную, состояние которой «день и ночь требовало постоянного ухода. К вечеру она засыпала. В последнее время баронесса сопротивлялась сну, утверждая, что ее пробуждение уже само похоже на смерть...»

С большой предосторожностью мы спускаемся по стонущей под нашими шагами лестнице и, отбросив стыдливую мысль об экипаже, пешком переходим дорогу, отделяющую дом от кладбища.

Могила госпожи де Крюденер

Могилы этого небольшого кладбища, расположенные на приличном расстоянии друг от друга, находятся в неодинаковом состоянии. Есть очень ухоженные могилы, а есть заброшенные, с ветхими крестами, похожими на протянутые руки, зовущие кого-то на помощь. Посередине этого пустынного места находится маленькая часовня со склепом. Мы входим в нее и на огромной плите, покрывающей почти весь пол этой молельни, читаем имя генерала Шуца, почившего в Карасубазаре 16 августа 1810 года, и имя его супруги, скончавшейся 8 января 1817 года. Именно в силу одного из пунктов их завещания, передающего все имущество Шуцев в пользу католической церкви, оба супруга были захоронены в часовне, ими же построенной для этой цели. Вскоре мы убеждаемся в том, что нам будет очень сложно приподнять эту плиту. В то время, как мы находились в некотором замешательстве, один из нанятых нами рабочих предложил очень простой выход: надо снаружи подрывать стену, расположенную позади алтаря. Фундамент этой стены, по идее, является одной из перегородок склепа. Рабочие немедленно приступили к работе. Лопатами они вгрызаются в землю, и вскоре проступают два ряда известняковой кладки. Приложив определенные усилия, удалось вытащить один из камней, другие поддались без особых проблем. У наших ног образовалось темное отверстие. И вот уже отец Кирилл, лежа на животе со свечой в руках, изучает внутренность склепа. «Здесь действительно три гроба», — кричит он. И, несмотря на то, что отец Кирилл во всех отношениях заслуживает полного доверия, каждый хочет убедиться сам в подлинности сказанного. Действительно, все присутствующие подтвердили наличие трех гробов. Тогда я сам лично осветил отверстие. Через некоторое время я заявил, что для полной убежденности необходимо расширить отверстие, проникнуть в склеп и хорошенько осветить его изнутри. «За этим дело не станет», — заявил Монсеньор. Рабочие расширили отверстие, и с удивительным проворством для своих лет туда проникает отец Кирилл. Теперь склеп освещен достаточно ярко, и мы ясно различаем три гроба: два больших, сделанных из одного и того же вида дерева, стоящих один возле другого, и чуть ниже, гроб поменьше, покрытый истлевшим шелком с золотистой бахромой по краям, удерживаемой маленькими гвоздиками с широкой шляпкой.

¹⁶ Имение де Крюденер в Лифляндии (прим. переводчика).

Теперь все сомнения отпали: этот не лишенный определенного погребального изящества гроб, выглядящий чужаком в этом склепе, действительно содержит останки госпожи де Крюденер. Именно здесь, в центре этой незнакомой степи в чужом склепе вот уже столетие забытая всеми покоится женщина, всю свою жизнь стремившаяся к славе.

При свете заходящего солнца рабочие закрывают склеп, и, наблюдая за их работой, я представляю, как и предполагал с первого дня, что произошло после смерти баронессы. Без сомнения, ее окружение твердо решило перевезти тело в Кореиз, о чем говорят церковно-приходские записи. Но в декабре, учитывая отсутствие дорог в Крыму, это было просто невозможно осуществить. Всего лишь лет пять назад, в январе, находясь в крымской степи, мне потребовалось шесть с половиной часов, чтобы преодолеть расстояние в пять километров: каждые пять минут приходилось вытаскивать колеса экипажа из толстого, плотного слоя глинистой грязи.

А ведь Карасубазар расположен на расстоянии двухсот верст от Кореиза, поэтому естественным было принятие решения отложить перенос тела до лета. Но ведь нам хорошо известно, что в дальнейшем все прекрасные проекты по созданию евангелических колоний, для которых князь Голицын выделил все свои владения, плачевно провалились. Мы уже видели, как швейцарские и немецкие эмигранты страдали в Карасубазаре от холодной зимы и непредвиденных трудностей, не представляя себе, что самое трудное еще впереди. Многие вернулись назад, некоторые обосновались в этой степи. А князь Голицын с женой и супруги Беркгейм в сопровождении особо бесстрашных колонистов достигли Кореиза и даже обосновались там. Естественно, уже не было и речи о каких-либо религиозных инновациях. Посреди всех этих трудностей и горьких разочарований память о несчастной усопшей стерлась даже в сердцах тех, кто любил ее больше других. Забота о переносе останков уступила место более насущным проблемам, и вскоре отпала сама необходимость этого переноса, так как и Карасубазар, и Кореиз были к тому времени равнозначными населенными пунктами.

Вот о чем я думаю, рассеянно проглядывая надписи на самых старых могилах кладбища...

Солнце заходит, окрашивая все вокруг в розовые цвета. Как любила госпожа де Крюденер смотреть на этот заход! Не знаю отчего, но я спрашиваю себя, почему так много людей просыпаются утром и наблюдают за восходом солнца, а вот когда оно так красиво заходит, не обращают на это никакого внимания? Разве бесцветный и холодный рассвет, на который, кроме всего прочего, мы смотрим заспанными глазами, более прекрасен, чем сумерки со своими умирающими оттенками, загадочными, фантастическими отблесками, со своей волнующей тишиной, заставляющей сердце биться и вслушиваться в нее?.. Разве восход солнца с его знаменитыми розовыми пальчиками красивее заката, цепляющегося своими золотистыми лучами за вечерний туман, как бы сожалея о наступлении ночи?.. Поверьте, что в этом вопросе есть доля снобизма.

Реликвия

Уже пробило одиннадцать часов вечера. Я заканчиваю делать последние записи в своем блокноте, и тут — стук в дверь. Это отец Кирилл. Он тихонько подходит к моему столу, кладет на него какой-то маленький розовый сверточек и произносит: «Вот, что мне удалось достать для вас... маленький сувенир...» Он так же тихо выходит, боясь потревожить Монсеньора, спящего в соседней комнате. Заинтригованный, я ощупываю сверток... наверное, медальон... Открываю и вижу: маленький, медный, окислившийся гвоздик, несколько золотистых нитей, смешанных с истлевшим шелком, все это с гроба госпожи де Крюденер! Очаровательный воришка! Какое трогательное внимание ко мне! С большой набожностью я прячу эту ценнейшую реликвию, которая будет напоминать мне о прекрасных друзьях, помогших мне найти маленький гроб в склепе, закрывшемся, вероятно, уже навсегда...

Несчастливая Валерия! Эта горстка золотистого шелка — вот все, что когда-то вновь увидит безумно любимую тобой Францию, свидетельницу апогея и упадка твоих эфемерных триумфов!

Эссен-Эли (Крым) 10—27 апреля 1911 г.